

УДК 340.0(8)
ББК 67.3(2)

О. Г. Бодунова

ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИИ

В современном мире терроризм является одной из сложных, острых и актуальных проблем. В статье анализируются архивные материалы Российской империи, объясняющие причины становления той или иной организации на путь террора.

Феномен терроризма известен человечеству с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в этой связи в предмет вожеланий индивидов, стремившихся войти во властные структуры любыми путями. При этом их не останавливали моральные барьеры, традиции, интересы других людей. Цель оправдывала средства, и поэтому лица, жаждущие власти, не останавливались перед применением самых жестких и крайних мер, включая утрашение, открытое насилие, убийства, терроризм.

Терроризм, в течение веков использовавшийся в качестве незаконного, но радикального и эффективного оружия в политической борьбе, превратился в XX столетии в серьезную проблему для всего мирового сообщества. Он пересек границы отдельных государств, его масштабы достигли огромных размеров, а конкретные проявления, опирающиеся на современные достижения науки и техники, приобрели такие общественно опасные формы, что терроризм иногда называют чумой XX века, – так велика исходящая от него угроза и разрушительные для человечества последствия. Никто сегодня не застрахован от всепроникающей опасности терроризма – ни простые граждане, ни самые защищенные из политических и государственных деятелей¹.

Проблема борьбы с терроризмом в России в настоящее время стала одним из важнейших направлений обеспечения государственной безопасности. В современной науке существует множество противоречивых подходов и оценок причин совершения террористических актов, а также попыток дать универсальное определение понятию «терроризм» и выявить место мер борьбы с ним.

Сегодня в России понятия «террор», «терроризм» до сих пор используются для дефиниции явлений разного характера, в которых, однако, имеется объединяющий их мотив, а именно – насилие. При этом неважно, к какого рода террору историки относят те либо иные события: к революционному концу XIX – начала XX вв., к белому или красному времен гражданской войны, политическому террору эпохи Сталина, или к уголовному и религиозному терроризму. Факты террора столь многочисленны и впечатляющи, что можно говорить даже о его роковой роли как в истории России, так и других стран.

При ясном понимании на уровне обыденного и правового сознания возрастающей опасности терроризма единство в вопросе его научного определения отсутствует. Последнее приводит к тому, что в некоторых источниках господствует не правовое, а обыденное понимание этого явления². Дефиниция данного феномена осложняется и полиаспектностью его проблематики: правовой, политической, социальной, психологической, философской, исторической, религиозной, технологической и др.³

Следует отметить, что еще в дореволюционной России понятие «террор» использовалось для дефиниции оппозиционного насилия, т. е. насилия, исходящего от оппозиции правительству. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона содержит статью о якобинском терроре эпохи Великой французской революции и «белом терроре» роялистов в 1815–1816 гг. Слово «террор» в этом издании производилось от французского *la terreur*. Во втором, дополнительном, томе этого же словаря, изданном в 1907 г., появилась статья «Террор в России», в которой последний обозначен как «система борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, в вооруженной защите против обысков и арестов»⁴. Авторы этой статьи явно имели в виду борьбу Департамента полиции с революционерами, а также гибель полицейских от рук последних.

В словаре В. И. Даля «терроризм» определяется как «устрашивание, устрашение смертными казнями, убийства и всеми ужасами неистовства»⁵.

В «Кратком политическом словаре», изданном в 1971 г., террор трактуется как политика устрашения, насилия и расправы с политическим противником вплоть до физического уничтожения⁶.

«Словарь иностранных слов», изданный в 1983 г., «террор» понимает несколько иначе: как политику устрашения, подавления политических противников насильственными мерами⁷. Вышедший на 10 лет позже «Словарь иностранных слов» (под ред. И. В. Лехина и др.) определяет «террор» как «применение насилия вплоть до физического уничтожения противника». Слово «терроризировать» трактуется как «преследовать», «устрашать насилием и репрессиями». Здесь же: «террорист – участник террористических актов», «террористический – свойственный террору, внушающий ужас, страх»⁸.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «терроризм – это физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам»⁹.

Категория «устрашение насилием» в этих формулировках является основной, кроме того, многие исследователи отмечают ее как обязательный признак терроризма. По мнению Г. М. Миньковского и В. П. Ревин-

на, такой подход к проблеме не позволяет адекватно оценить истинные масштабы явления, программировать и организовывать борьбу с ним, так как понятие «терроризм» охватывает и действия с такой мотивацией, как корысть, месть, экономическая конкуренция, иррациональная мотивация психических больных и прочие¹⁰.

Хотелось бы отметить, что угроза безопасности обществу истекает не только из фактов коррупции, торговли наркотиками, распространения ядерного, химического и биологического оружия, проблемы перенаселения планеты, информационной войны, террористических, экологических, экономических и политических проблем, но также из нестабильного психологического состояния населения, его нравственной деградации.

К сожалению, состояние российского общества в этой связи оставляет желать лучшего. Граждане, зажатые в тиски негативных процессов, по-разному воспринимают реалии жизни, и каждый из них стремится преодолеть трудности самостоятельно или с помощью других. Хорошо, когда это заканчивается положительно, без каких-либо существенных последствий. Однако может возникнуть и ситуация, когда человека просто используют в чьих-либо корыстных целях, итогом чего становятся двойные стандарты в мышлении и поведении людей, ложь, апатия, цинизм и, конечно, терроризм. В последнее время было опубликовано большое количество хранившихся в архивах Российской империи программных документов террористических организаций, выступлений осужденных на судебных процессах. В этих документах, как правило, имеются факты, объясняющие причины перехода той или иной группы к методам террора, что создает возможность изучения мотивации терроризма в политических организациях прошлого.

Человек сложен и в массе своей отнюдь не однозначно добр, как утверждали просветители XVIII в. Разные люди являют различные пропорции добра и зла, ума и чувства, общительности и автономности, самоуверенности и робости. При этом несомненно доминирование определенных свойств личности. Причины, создающие бунтарские характеры, пишет Ф. М. Лурье, могут быть очень разные: зависть ко всему и вся, комплекс неполноценности, авантюризм, желание любым способом обогатиться или как-нибудь выделиться из общей массы, жажда власти и т. д. Данный перечень можно значительно увеличить, но главное состоит в том, что такие характеры весьма жалки в нравственном смысле: чем больше в человеке страсти и фанатизма, тем легче он может преступить через моральные запреты¹¹.

«Вначале было слово». Слово, а точнее несколько фраз, были написаны весной 1862 г. в камере тверской полицейской части студентом Московского университета Петром Зайчневским – так начинается большинство исторических исследований, посвященных революционно-террористическому движению в России. Особый интерес для исследователей личность Зайчневского представляет по причине написания им прокламации «Молодая Россия», где впервые в России убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений. Мы начнем свое исследование с мотивации террористических идей этого человека на основании имеющихся в нашем распоряжении документов.

П. Г. Зайчневского как одного из идеологов терроризма можно отнести к первой категории в классификации мотивов о необходимости совершения актов терроризма – *во имя Родины и народа*. В этой связи он писал, что террористы должны действовать «...с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к ним народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма...»¹². Идеологи терроризма, по нашему мнению, были уверены в том, что посредством убийства самодержца и его «приспешников» они могут изменить политическую ситуацию в империи, не понимая, что на место убитого императора и других высокопоставленных лиц придут новые продолжатели прежней политики. А. И. Герцен по этому поводу писал, что «все это страшное дело, поставившее Российскую империю... на край социального катаклизма, ...сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда и не мог сделать. ...Крови от них не пролилось, а если и прольется, то это будет их кровь – юношей-фанатиков»¹³. По воспоминаниям Н. П. Голубевой известно, что П. Г. Зайчневский даже в бреду на смертном одре кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма¹⁴.

К категории мотивации терроризма во имя Родины и народа можно отнести также мотивы деятельности Дмитрия Каракозова. 4 апреля 1866 г., наслушавшись радикальных суждений в кружке своего двоюродного брата Н. И. Ишутина, Д. В. Каракозов стрелял в Александра II, открыв тем самым эпоху терроризма в России. Обстоятельства покушения хорошо известны историкам. Нас интересует в данном случае влияние, которое это неудачное во всех отношениях покушение оказало на русскую революционную мысль и, в частности, на развитие террористической идеи.

В прокламации «Друзьям-рабочим!», которую Каракозов распространил накануне покушения (один ее экземпляр обнаружили в кармане террориста при аресте), революционер объяснял мотивы своего поступка: «Грустно, тяжело мне стало, что... погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось – им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их...»¹⁵ Таким образом, в мотивации своего поступка, Каракозов не только проникся идеями о совершении преступления – убийства царя – во благо Родины (крестьянства), но и готов был сам умереть «за свой любезный народ».

Некоторые исследователи-психоаналитики в качестве мотива террористической деятельности выделяют *влечение отдельных людей к смерти* (некрофилия). В частности, Ю. М. Антонян отмечает: «Я полагаю, что одним из таких мотивов, если иметь в виду терроризм, влекущий человеческие жертвы, выступает влечение отдельных людей к смерти, к самоуничтожению, столь же сильное, как и влечение к жизни. Иного и не может быть, поскольку влечение к смерти в известном смысле адекватно влечению к жизни, а у конкретного человека могут наличествовать обе

амбивалентные тенденции». Влечение к смерти (некрофилия) объединяет значительную группу людей, «которые решают свои главные проблемы, сея смерть, прибегая к ней или максимально приближаясь»¹⁶.

Здесь выделяется и такой мотив террористической деятельности, как *самопожертвование*. Он реализуется в следующих вариантах:

а) субъект стремится к гибели при совершении преступления и все делает для этого; причем он может хотеть такой «славной» смерти, чтобы напоследок привлечь к себе внимание, которого он до того был лишен;

б) человек вполне понимает, что обязательно погибнет, но сознательно жертвует собой ради «высокой» идеи. Индивид идет на весьма рискованное для него террористическое преступление, но при этом его сознание не охватывает реально существующий мотив самоубийства¹⁷.

Такие, по нашему мнению, верные характеристики позволяют считать личность Д. В. Каракозова психически ненормальной. Явных доказательств психической болезни террориста не существует, однако есть свидетельства его современников об употреблении Каракозовым наркотиков в предшествующий покушению период¹⁸. Это не удивительно, потому что во второй половине XIX в. в России распространилась наркомания в виде морфинизма¹⁹. Наркоманию Каракозова подтверждает выписка из обвинительного акта по делу террориста: «При задержании выстрелившего, ...сверх пистолета, отобраны:

1) фунт пороха и 5 пуль;

2) стеклянный пузырек синильной кислоты, порошок в 2 грана стрихнина и 8 порошков морфия»²⁰.

Таким образом, в террористическом движении, по всей вероятности, бывали случаи участия наркоманов.

Представляется интересным мотив, высказанный народовольцем Андреем Желябовым: «...служил я делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем своим существом», – заявил он при допросе в суде²¹.

Однако А. Желябов не исключал и мирных средств достижения своей цели. На процессе по делу об убийстве императора Александра II, совершенном 1 марта 1881 г., он говорил: «...я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цель моей жизни – было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен; от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия»²².

На политических процессах второй половины XIX в. в качестве «оправдания своих поступков революционеры пытались обелить себя с помощью понятия «мечь». Как правило, мотив *мести* выражался по отношению к политическим, государственным или религиозным фигурам в связи с их деятельностью, однако бывали и случаи мести простым людям, представлявшим нацию, которой принадлежала государственная власть, или нацию, с которой ведется борьба, например, за спорную тер-

риторию. Объектами такой мести могли выступать верующие, принадлежавшие к враждебной конфессии, ее церкви, священные символы и т. д. В первую очередь это относилось к «южным» территориям Российской империи. «Отказ от мести в этих регионах, – пишет В. В. Цмай, – являлся позором. Обязанность по исполнению кровной мести возлагалась на старшего мужчину в роду. Время исполнения кровной мести значения не имело»²³. Для таких личностей гибель родных от рук властей расценивалась как оскорбление рода, которое являлось достаточным основанием для кровной мести.

Достаточно широкий спектр причин приводил молодых людей к терроризму. Многие из мотивов мести были чисто личного характера и возникали из-за психических проблем и конфликтов, а не от приверженности революционной идеологии. «Создается впечатление, – пишет А. Гейфман, – что одной из наиболее распространенных причин участия в насилии с политической окраской была *неспособность признать собственные неудачи или контролировать свой гнев*»²⁴.

Следует отметить, что использовать мотив мести террористы стали после процесса над Верой Засулич. К концу XIX в. некоторые из них прибегали к беспорядочному насилию по сугубо личным мотивам. В одном случае некий рабочий Андреев, уволенный с предприятия, выразил свое недовольство социально-политическими порядками нападением на представителя правящего режима – армейского генерала, приехавшего на концерт в Павловск²⁵.

Верность изложенным выше принципам продемонстрировал С. Г. Нечаев в своем «теоретическом убийстве». Убийство нечаевцами И. Иванова по причинам разногласий в подпольной организации вполне можно квалифицировать как месть человеку, посягнувшему на авторитет решений Нечаева. По мнению О. В. Будницкого, так в России был совершен первый «успешный террористический акт»²⁶.

Немаловажным мотивом терроризма второй половины XIX в. являлась *самозащита*. Ее приверженцем был крупнейший идеолог народничества П. Н. Ткачев. К концу 1860-х гг. его взгляды сложились в концепцию политико-социальной революции в России²⁷. До конца 1870-х гг. Ткачев признавал террор лишь в отношении шпионов. Начавшуюся в России террористическую борьбу он рассматривал как симптом осознания революционерами «необходимости непосредственно революционной деятельности». По справедливому замечанию Е. Л. Рудницкой, «Для Ткачева террор – лишь частичное средство, ...лишь одно из средств, а совсем не... цель и главная задача революционной деятельности...» Подлинной же целью является захват власти организацией революционеров, а террор ценен постольку, поскольку он помогает решению этой главной задачи²⁸.

После царевубийства тон в статьях Ткачева, опубликованных в эмигрантском революционном издании «Набат» и почти целиком посвященных терроризму, заметно меняется. В публикации «Казнь тирана и ее последствия» он писал: «Казнь палача, революционный терроризм в самое короткое время сделали то, чего при других способах и приемах революционной борьбы мы не могли бы добиться в течение десятков, сотен лет. Этот путь и только этот путь не замедлит привести нас к желаемой цели – к освобождению народа и к отмщению за святую кровь замучен-

ных палачами наших сестер и братьев. Поэтому теперь, более чем когда-нибудь, необходимо, чтобы все честные люди... организовались и тесно сплотились под кровавыми знаменами революционного терроризма...»²⁹

Кроме того, П. Н. Ткачев в статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» утверждал: «...самодержавие довело нас до такого положения, которое по сознанию верноподданнейших из верноподданных продолжаться долее не может, ...если оно потрясло наше экономическое состояние, расстроило наши финансы, ввергло большинство населения в бедность и нищету, ...водворило во всех отраслях общественного управления систему хищничества и грабежа и т. п. – то такие же чувства должно оно возбуждать к себе во всяком человеке, ...чувства негодования, озлобления, презрения, ненависти и мщения»³⁰.

Явным сторонником самопожертвования для других и самозащиты для себя являлся организатор террористических актов и создатель «боевой организации» партии эсеров Б. С. Гершуни. На начальном этапе создания специализированной террористической группы он уделял значительное внимание подбору кадров террористов. «Не принимая личного участия в террористических актах, он разъезжал по России и за границей... и искал людей, готовых жертвовать собой. С редким умением и ловкостью подчиняя своей воле намеченных им исполнителей его планов, он в то же время неотступно следил за поддержанием в таких лицах возбужденной экзальтации...»³¹

По воспоминаниям Б. Савинкова, Б. С. Гершуни, составляя проект «боевой организации», не исключал возможности называть акты терроризма актами самозащиты. Вот цитата из проекта Устава его организации: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить далее самодержавный строй»³².

Самозащиту в качестве мотивации своих поступков выбрал для себя известный террорист, член «Земли и воли», С. Кравчинский (С. Степняк). 4 августа 1878 г. на Михайловской площади в Петербурге Кравчинский заколол кинжалом шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Сподвижник Кравчинского, А. Баранников, выстрелом из револьвера ранил сопровождающего Мезенцова подполковника Макарова. Затем террористы скрылись в экипаже, кучером которого был третий участник теракта А. Михайлов. С. Кравчинский показал мотивы убийства в своей брошюре «Смерть за смерть»³³: «...убийство – вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и „выродком“ человечества, может лишиться жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему. Оно довело нас до этого своей цинич-

ной игрой десятками и сотнями человеческих жизней и тем наглым презрением к какому бы то ни было праву, которое оно обнаруживало в отношении к нам»³⁴.

Этот пример свидетельствует о том, что многие террористы считали террор защитой от существующего строя и искали в нем спасение.

Достаточно часто самопожертвование как мотив встречался у так называемых неудачников. Это связано в первую очередь с тем, что организационно-террористическая деятельность требовала от революционеров существенного изменения их образа жизни. Поэтому революционные лидеры делали ставку на людей не устроенных в жизни, т. е. на тех, у кого она не сложилась. Таким неудачникам, собственно, уже нечего было терять, их ничего в жизни не держало. Организаторы террористических групп давали этим людям возможность умереть, «став героями» (например, такие изгои составляли основу организации С. Г. Нечаева «Ад»).

Подобный факт приводит Н. Д. Литвинов. Некто А. К. Соловьев, сын «коллежского регистратора лекарского помощника придворного ведомства», получил за счет Ораниенбаумского дворцового правления хорошее образование в петербургской гимназии, а затем окончил два курса юридического факультета Петербургского университета. Попытка начать самостоятельную работу преподавателя закончилась для него увольнением. Попав в поле зрения анархистов, А. К. Соловьев попытался «уйти в народ», но «оказался по своей физической неловкости совершенно неспособным к мастерству». Он попытался создать семью, но и здесь у него ничего не получилось. Во время пребывания в с. Воронино Соловьев женился на троюродной сестре революционера Ю. Н. Богдановича Е. Челищевой. Однако один из сподвижников по революционному движению, А. Михайлов, сообщил молодой жене какой-то «компромат» на мужа, после чего она уехала в Санкт-Петербург, а Соловьев «отправился в народ», не задерживаясь долго ни на одном месте. Наконец он прибыл в Петербург в надежде отыскать жену, где видимо попытался решить семейный вопрос, но здесь попал в руки террориста А. Д. Михайлова и был завербован для совершения террористического акта против Александра II³⁵.

Такое положение дел предполагало, что человек как личность со своими ценностями и мировоззрением стремится самоутвердиться в обществе, и каждый выбирает путь такой самореализации.

Во второй половине XIX в. в обществе шел быстрый процесс изменения семейных отношений. Стремящихся к самоутверждению девушек и женщин становилось все труднее удерживать дома. Доступ к высшему образованию для них был ограничен, места в официальной политической жизни не было, поэтому реализация интеллектуального потенциала для женщины не представлялась возможной. В противоположность официальной политике революционные воззвания пропагандировали принцип *равенства мужчин и женщин*, что в большей степени относилось к мотиву *самоутверждения*. Лидеры революционных организаций старались использовать принцип равенства, следуя ему неукоснительно: женщины участвовали в подготовке террористических актов наравне с мужчинами. Подтверждение этому удалось найти в процессе нечаевцев. Особенность процесса заключалась в том, что перед судом предстали во-

семь женщин³⁶. Присутствие женщин на политическом процессе в качестве обвиняемых впервые случилось не только в России, но и в Европе после Великой французской революции.

Кстати говоря, женщины в террористическом движении России выполняли разнообразные функции: вели агитационно-пропагандистскую работу, содержали конспиративные квартиры, принимали участие в разработке операций по проведению террористических актов³⁷.

В этой связи хорошо известна террористка Софья Перовская, которая непосредственно руководила подготовкой и осуществлением цареубийства 1 марта 1881 г.

Принимая активное участие в организации и подготовке террористических актов, женщины – участницы народовольческого движения 1870–1880-х гг. – сами все же не особенно часто были их непосредственными исполнителями. Кроме выстрела Засулич, можно, пожалуй, назвать покушения входивших в «Народную волю» М. Кутитонской – на забайкальского губернатора Л. И. Ильяхевича и М. Калюжной – на начальника Одесского жандармского управления, полковника А. М. Катанского³⁸.

Терроризм преследовал явления публичного характера. Создание культа «револьвера и динамита», идеализация террориста – «героя нашего времени» – привели к тому, что еще не сформировавшаяся личность принимала чужую систему ценностей. Массовая психология особенно сильно влияла на подростков, которые неоднократно были замечены в совершении терактов. Многие из них участвовали в насилии вследствие экономических тягот, нищеты. Соблазн быстрого получения денег способствовал участию подростков в вымогательствах, экспроприациях (иногда от безысходности). Мотивами здесь выступали *нажива и самоутверждение*.

Молодые люди мстили всем, кого они подозревали в несправедливом отношении к себе. Чаще всего это были учителя и директора учебных заведений. Плохие оценки, отчисление приводили к тому, что несовершеннолетние ученики с особой жестокостью мстили своим «врагам». При этом в ход шли самодельные бомбы, серная кислота, револьверы.

Для других подростков «новая жизнь» была увлекательной игрой, полной тайн и секретов, опасности и приключений. Так, например, 8 марта 1898 г. несовершеннолетний экстремист А. Уфимцев, начитавшись в нелегальных брошюрах идеализированных описаний действий террористов 1880-х гг., подговорил своих друзей взорвать бомбу в Знаменском монастыре г. Курска, «надеясь совершить нечто замечательное, связанное с опасностью, ...что может привлечь общее внимание», т. е. уничтожить икону Богоматери и таким образом «поколебать веру в эту чтимую святыню»³⁹.

В большей своей массе *мотивы самоутверждения* и желание *наживы* совмещало студенчество. В конце XIX – начале XX вв. в России получило широкое распространение высшее образование, что привело к увеличению в крупных городах студенческой молодежи. Именно она приняла активное участие в революционно-террористическом движении⁴⁰.

Российское студенчество, писал Н. Д. Литвинов, в силу своего социального положения, восприимчивости к новым идеям, условий жизни чаще всего являлось объектом экстремистского «инъектирования» антигосударственными идеями, что превращало его затем в субъект антиго-

сударственной деятельности. Низкий уровень экономического благосостояния значительной массы студентов – их называли «недостаточными студентами» – объективно способствовал формированию различного рода организационно-вспомогательных объединений: студенческих столовых, библиотек, различного рода касс и обществ взаимопомощи. Именно эта тяга к объединению была использована в революционно-террористической деятельности путем переориентации сложившихся организационных форм⁴¹.

Следует заметить, что студенчество в Российской империи испытывало большие материальные затруднения. Вузам приходилось материально поддерживать учащихся, выделяя значительные суммы на выплаты стипендий. Студент, замеченный в революционной деятельности, мог лишиться такой финансовой поддержки. Желание студентов быть финансово независимыми толкало их на совершение разного рода преступлений, в том числе и антигосударственных.

Таким образом, психология террористической деятельности имеет свою специфику, иногда малопонятную. Эффективность борьбы общества с терроризмом зависит от понимания того, что думают террористы и почему они так поступают. Можно сказать, что в основе терроризма как социального феномена лежит противоречие, например, противопоставление собственного «Я» всему сообществу или противоборство с целой государственной системой.

¹ Петрищев, В. Е. Заметки о терроризме. – М., 2001. – С. 5.

² Емельянов, В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков, 1997. – С. 5.

³ Змеевский, А. В. Терроризм. Научные скоординированные усилия мирового сообщества / А. В. Змеевский, В. Е. Тарабрин // Международная жизнь. – 1996. – № 4. – С. 14.

⁴ См.: Энциклопедический словарь. – СПб., 1907. – С. 753.

⁵ См.: Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – М., 1955. – С. 401.

⁶ Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий / Под ред. акад. О. А. Колобова. – М., 2003. – С. 5.

⁷ См.: Словарь иностранных слов. – М., 1983. – С. 494.

⁸ Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова. – М., 1993. – С. 640–641.

⁹ См.: Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. – М., 1953. – С. 735–736.

¹⁰ Чухвичев, Д. В. Терроризм: история и современность // Труды Московской государственной академии. № 1. – М., 1997. – С. 114.

¹¹ См.: Лурье, Ф. М. Нечаев. Созидатель разрушения. – М., 2001. – С. 8.

¹² Утопический социализм в России / [Сост., авт. вступ. ст. биогр. справок и примеч. А. И. Володин, Б. М. Шахматов]. – М., 1985. – С. 331.

¹³ Герцен, А. И. Молодая и старая Россия // Герцен, А. И. Собрание сочинений : В 30 т. Т. XVI. – М., 1961. – С. 202.

¹⁴ Голубева, М. П. Воспоминания о П. Г. Зайчневском // Пролетарская революция. – 1923. – № 6–7. – С. 28.

¹⁵ Шилов, А. А. Из истории революционного движения 1860-х годов // Голос минувшего. – 1918. – № 10–12. – С. 161.

¹⁶ Антонян, Ю. М. Терроризм : Криминол. и уголов.-правовое исслед. – М., 1998. – С. 255.

- ¹⁷ Там же. – С. 257.
- ¹⁸ См.: Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 75.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь. Т. XIX А. – СПб., 1896. – С. 916.
- ²⁰ См.: Покушение Каракозова : Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. – М., 1928. – С. 6–7.
- ²¹ Савинков, Б. Воспоминания террориста. – М., 1991. – С. 5.
- ²² К 25-летию. 1881–1906 гг. Дело 1-го марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. : Правительственный отчет / Со статьей и примеч. Л. Дейча // Свободный труд. – СПб., 1906. – С. 332–343.
- ²³ Цмай, В. В. Некоторые аспекты концепции насилия в арабо-мусульманской культуре // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров и В. А. Тишков. – СПб., 2001. – С. 290.
- ²⁴ Гейфман, А. Революционный террор в России 1894–1917 гг. – М., 1997. – С. 217.
- ²⁵ Кропоткин, П. А. Русская революция и анархизм. – Лондон, 1907. – С. 51.
- ²⁶ Будницкий, О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов н/Д., 1996. – С. 45.
- ²⁷ Утопический социализм в России / [Сост., авт. вступ. ст. биогр. справок и примеч. А. И. Володин, Б. М. Шахматов]. – М., 1985. – С. 367.
- ²⁸ См.: Рудницкая, Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. – М., 1992. – С. 139, 145.
- ²⁹ Набат. – Женева, 1881. – 20 июня. – С. 2.
- ³⁰ Набат. – Женева, 1881. – 1 сентября.
- ³¹ Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 72.
- ³² Савинков, Б. В. (В. Ропшин). Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной : Автобиограф. проза. – М., 2002. – С. 71.
- ³³ Ларин, А. М. Государственные преступления. Россия. XIX век. – Тула, 2000. – С. 370.
- ³⁴ См.: Степняк-Кравчинский, С. М. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева) / С прил. стихотворения А. А. Ольхина «У гроба» и со вступ. ст. В. Петровского. – Пг., 1920. – С. 13–20.
- ³⁵ Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 78.
- ³⁶ См.: Нечаев и нечаевцы: Сборник материалов. – М.; Л., 1931. – С. 14.
- ³⁷ См.: Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 82–83.
- ³⁸ См.: Женщины-террористки в России. – Ростов н/Д., 1996. – С. 3–5.
- ³⁹ См.: Гейфман, А. Революционный террор в России 1894–1917 гг. – М., 1997. – С. 248.
- ⁴⁰ За сто лет (1800–1896) : Сборник по истории политических и общественных движений в России : В 2 ч. / Сост. В. А. Бурцев. – Лондон, 1897. – С. 144.
- ⁴¹ Литвинов, Н. Д. Криминологическая характеристика государства в структуре антигосударственного терроризма. – Воронеж, 2000. – С. 62.